

An anime-style illustration of a young woman with long, flowing blonde hair and striking red eyes. She is wearing a dark red cloak with a black collar and a black belt. A red, swirling, eye-like symbol is visible on her chest. She is surrounded by vibrant red energy or flames, with her right hand extended forward. The background is dark with red streaks and particles.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ОГНЕННАЯ
ГИЛЬДИЯ

Сергей Патрушев
Огненная Гильдия

«Автор»

2026

Патрушев С.

Огненная Гильдия / С. Патрушев — «Автор», 2026

Анастасия — целительница и телепат на службе Гильдии Саламандр. Её новое задание — внедриться в закрытую гильдию боевых магов «Берсерк», чья внезапная мощь и скрытность встревожили лорда Игниса. Под видом беглой целительницы она проникает в мрачную цитадель «Врангр», где сталкивается с силой, пожирающей души бойцов, и с людьми, которые становятся ей дороже долга. Осколки запретного артефакта «Сердце Вулкана» дарят берсеркам невиданную ярость, но превращают их в пустые оболочки. Насте предстоит выбрать: выполнить приказ и уничтожить гильдию или рискнуть всем, чтобы спасти тех, кто доверился ей. Интриги, предательства, запретная магия и опасная игра, где красота и ум становятся оружием, а грань между святой и дьяволом стирается.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел на губах	5
Глава 2. Волк в овечьей шкуре	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Патрушев

Огненная Гильдия

Глава 1. Пепел на губах

Запах гари проникал повсюду. Он был въедливым, словно клеймо, которым метят преступников и изгоев, он пропитывал собой тяжелые бархатные портьеры, темное дерево перил, каменные стены и, казалось, сам воздух этого места. Для кого-то этот запах был символом силы, неукротимой стихии, подчиненной воле человека, доказательством того, что даже самая разрушительная из природных сил может быть обуздана и поставлена на службу. Для Анастасии этот запах был запахом болезни, которую ей предстояло лечить. Или, по крайней мере, диагностировать. И, если повезет, найти способ исцелить. Хотя она все больше склонялась к мысли, что некоторые болезни не лечатся. Их можно только выжечь.

Она стояла перед массивной дверью, украшенной искусной резьбой в виде языков пламени, переплетающихся в замысловатый герб Гильдии Саламандр. Дерево было старым, потемневшим от времени и жара, но резьба сохранилась безупречно — каждый изгиб, каждая деталь говорили о мастерстве резчика и о том, сколько поколений магов прошло через эту дверь. Медь дверных ручек, отполированная до зеркального блеска, отражала ее собственное лицо: бледное, сосредоточенное, с плотно сжатыми губами и едва заметными тенями под глазами, оставшимися после нескольких бессонных ночей. Серые глаза смотрели из отражения холодно и оценивающе, и в их глубине таилось нечто, чего Настя сама не хотела признавать, — предчувствие. Тяжелое, липкое предчувствие, словно смола, растекающееся по груди.

Она не любила этот кабинет. Он давил на нее своей показной мощью, своей нарочитой демонстрацией того, чем владеет лорд Игнис. Каждая деталь здесь была продумана, чтобы внушать трепет: от ковра с изображением саламандры, пожирающей собственный хвост, до книжных полок, заставленных фолиантами в кожаных переплетах, на корешках которых поблескивали руны, видимые только при определенном освещении. Даже воздух здесь был густым, словно наполненным невидимой энергией, которая оседала на языке металлическим привкусом и заставляла кожу покалывать.

Стражник, молчаливый верзила в мундире цветов гильдии — алом и черном, — коротко кивнул, признавая ее право войти, и толкнул створку. Дверь отворилась бесшумно, несмотря на свои размеры, и Настя шагнула внутрь. Жар опалил ее лицо, хотя до камина, в котором ревел огонь, было не меньше десяти шагов. Пламя в камине было живым, оно извивалось и корчилось, словно пыталось вырваться из каменного плена, и в его рычании ей слышались голоса — обрывки чужих мыслей, принесенных сюда вместе с дровами, или, может быть, отголоски магии, пропитавшей это место настолько, что даже огонь здесь стал чем-то большим, чем просто огонь.

Лорд Игнис сидел за своим столом из окаменевшего дуба, который, по слухам, пережил не один пожар, устроенный его же собственной магией. Сама столешница была испещрена тонкими, едва заметными трещинами, расходящимися от центра, словно паутина, и в этих трещинах при определенном освещении можно было разглядеть слабое свечение — остатки магических разрядов, которые дерево впитало за долгие годы. Сам глава Гильдии Саламандр казался

высеченным из гранита и лишь слегка обожженным временем. Его волосы, когда-то черные, теперь серебрились на висках, а в глубоко посаженных темных глазах плясали отблески пламени из камина, придавая его взгляду хищное, нечеловеческое выражение. Он напоминал ей статую древнего бога, которую кто-то оживил, вдохнув в камень душу, но не позаботившись о том, чтобы эта душа была доброй.

— Анастасия, — произнес он вместо приветствия. Его голос был сухим, как треск горящих поленьев, и таким же обманчиво спокойным. Он не встал, лишь указал жестом на кресло напротив. — Благодарю, что пришли так скоро. Дело не терпит отлагательств.

Настя не поблагодарила за комплимент. Она прошла и села, стараясь держать спину прямо и не показывать, как ее раздражает жара. Ее дар целителя был, по сути, обратной стороной дара ощущения жизни — она чувствовала биение сердец, ток крови, тепло тел, даже когда не хотела этого. А огонь, пылающий в этом кабинете, был самой что ни на есть грубой, разрушительной формой энергии, которую ее чувства улавливали как визгливую, диссонирующую ноту. Эта нота звучала в ее голове непрерывно, как комариный писк, и ей приходилось прилагать усилия, чтобы не морщиться и не выдать своего дискомфорта. Лорд Игнис знал о ее чувствительности. Знал и, похоже, намеренно испытывал ее, проверяя, насколько хорошо она умеет контролировать себя в некомфортных условиях. Что ж, она умела. Научилась за годы службы.

— Я полагаю, вы не для светской беседы меня пригласили, лорд Игнис, — ответила она спокойно. Ее телепатические способности не требовались, чтобы понять: старый лис чем-то встревожен. И не просто встревожен — напуган. Но этого он показывать не желал. Впрочем, Настя давно научилась читать эмоции не по лицам, а по тем тонким вибрациям, которые исходит человеческое сознание, даже когда его обладатель старается держаться невозмутимо. Страх Игниса был похож на холодное озеро, притаившееся под тонкой коркой льда. Стоило надавить чуть сильнее — и корка бы треснула.

Игнис усмехнулся краешком рта. Одобрение в его взгляде было сродни похвале от огненного элементаля — редкое и опасное. Настя знала, что такие, как он, ценят в подчиненных не преданность и не усердие, а ум и способность сохранять ясность рассудка в любых обстоятельствах. Именно поэтому она до сих пор оставалась в числе тех, кого он лично приглашал для особых поручений.

— Верно. Ты всегда умела ценить время. И мое, и свое. — Он откинулся на спинку кресла, скрестив пальцы на животе. Этот жест, такой простой и почти расслабленный, был на самом деле тщательно продуманной позой человека, который привык держать всё под контролем. — Что ты знаешь о гильдии «Берсерк»?

Настя на мгновение прикрыла глаза. Вопрос прозвучал как выстрел стартового пистолета. Она ожидала чего угодно: просьбу о неофициальном лечении, задание по нейтрализации какого-нибудь отравителя, разбор очередного скандала внутри гильдии, но не этого. «Берсерк» была темой, которую в приличном обществе предпочитали не обсуждать. Этих магов боялись и презирали одновременно, как боятся и презирают огонь, который может согреть, но чаще — сжигает дотла.

— Боевые маги. Специализация — силовая поддержка, штурмовые операции, подавление. Официально работают по контрактам с государством и частными лицами, если задачи

требуют грубой силы и... минимума последствий для заказчика. Считаются... — она задумалась, подбирая слово, — эффективными. Хотя их методы и их внутренний уклад оставляют желать лучшего с точки зрения этики.

Она говорила правду, но только ту часть правды, которая была известна всем. «Берсерк» действительно была эффективной гильдией — в том смысле, в каком эффективен топор палача. Они выполняли заказы, за которые не брались другие, и выполняли их с пугающей методичностью. Но в их методах было что-то такое, что заставляло даже бывалых магов отводить глаза и менять тему разговора. Настя слышала истории — обрывки, слухи, полушепотом передаваемые в коридорах Гильдии Саламандр, — о том, что происходит в крепости «Врангр», где располагалась их штаб-квартира. Но это были лишь истории. Не факты.

— Ты говоришь как по учебнику, — перебил ее Игнис. — И как целитель, который никогда не видел их в деле. А я скажу тебе то, чего не пишут в учебниках. Они стали другими.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием дров и едва уловимым гулом пламени. Настя терпеливо ждала. Ее интуиция, острая как бритва, начала звенеть, и этот звон отдавался в висках. Лорд Игнис не был склонен к театральным паузам. За годы службы она успела изучить его манеру говорить: он всегда переходил к делу быстро, без предисловий и риторических украшений. Если сейчас он медлил, значит, то, что он собирался сказать, действительно важно. Или действительно страшно.

— Последние полгода, может, чуть больше, «Берсерк»... расцвела. Они берут контракты, на которые раньше не решились бы. Они выходят победителями из стычек, где по всем раскладам должны были погибнуть. Их бойцы стали сильнее. Выносливее. Их магия — плотнее, агрессивнее. — Игнис подался вперед, его голос упал до шепота, и в этом шепоте было столько сдерживаемого напряжения, что Настя почувствовала его физически, как давление на барабанные перепонки. — И самое главное: они стали скрытными. Закрыли свои казармы для посторонних. Перестали нанимать вольных целителей, предпочитая своих, ангажированных. Информация о их потерях исчезла из сводок. Совсем. Понимаешь, Анастасия? Никто из наших осведомителей не может сказать, погиб ли в последней операции хоть один берсерк. Они возвращаются отовсюду. Всегда.

Настя молчала, переваривая услышанное. Это действительно было тревожно. Боевые маги всегда несли потери. Это была аксиома их ремесла. Скорость, мощь и ярость их боя не предполагали стопроцентной выживаемости. Даже самые опытные, самые подготовленные бойцы время от времени ошибались, получали раны, гибли. Если «Берсерк» перестала терять бойцов, это означало одно из двух: либо они научились воскрешать мертвых, либо они получили доступ к такой защите, которая меняла правила игры. И то, и другое было одинаково пугающим.

— И вы хотите, чтобы я выяснила, в чем источник их... процветания, — закончила она мысль Игниса.

— Верно. Но не просто выяснила. — Глава Саламандр встал и подошел к окну, за которым сгущались сумерки, скрывая город в сизой дымке. Его силуэт на фоне темнеющего неба казался почти зловещим — черный контур, окаймленный последними отблесками умирающего заката. — Это еще не все. Прошла череда странных событий. Внезапные смерти влиятельных людей, не связанных между собой. Сбои в работе городских артефактов. Повышение

уровня магического фона в промышленных районах. Все это мелочи, но в совокупности... Это похоже на то, как если бы кто-то впрыскивал в городскую кровеносную систему медленно действующий токсин. И каждый раз след, едва заметный, ведет к ним. К «Берсерку».

Настя взглянула на него. Сейчас, на фоне темного окна, его фигура казалась почти потусторонней — призрак, вышедший из пламени, чтобы предупредить о еще большей угрозе. Она вдруг осознала, насколько серьезно воспринимает происходящее Игнис. За все годы их сотрудничества она никогда не видела его настолько напряженным. Это был не просто политический соперник, с которым нужно разобраться. Это было нечто большее. Нечто, что грозило самому существованию Гильдии Саламандр.

— Вы хотите, чтобы я внедрилась в их ряды.

Игнис повернулся к ней. В его глазах полыхнул огонь. Настоящий, магический, на долю секунды. Пламя отразилось в зрачках, осветило лицо снизу, придав чертам дьявольскую резкость. Настя почувствовала, как волна жара прошла по комнате, заставив воздух дрожать.

— Не просто внедрилась, Анастасия. Я хочу, чтобы ты нашла источник. Их логово — крепость «Врангр» на севере. Я хочу, чтобы ты проникла туда, разобралась, что за дьявольщина там творится, и доложила. Но твое основное задание не разведка. Твоя задача — если это возможно, обезвредить эту угрозу изнутри.

— Обезвредить? — Она позволила себе скептически поднять бровь. Этот жест, казавшийся таким простым, на самом деле был проявлением глубоко запрятанного страха. — Лорд Игнис, я целитель и телепат. Мои боевые навыки едва ли соответствуют уровню элитного бойца «Берсерка». Вы хотите, чтобы я, проникнув в их цитадель, устроила диверсию?

— Не диверсию, — отрезал он. — Исцеление. Ты сказала, запах гари — это запах болезни. Так вылечи ее. Или, по крайней мере, найди очаг заражения, чтобы его можно было прижечь. Моими людьми, если потребуется.

Он вернулся к столу и положил перед ней тонкую папку. Кожаный переплет был старым, потертым, с металлическими уголками, на которых виднелись следы многочисленных прикосновений. Настя знала, что такие папки хранятся в закрытом архиве Гильдии, и доступ к ним имеют лишь единицы. То, что Игнис принес ее сюда, говорило о степени секретности предстоящей операции.

— Здесь все, что нам удалось собрать. Слухи, донесения, обрывки бухгалтерии, список тех, кто был связан с «Берсерком» и умер при невыясненных обстоятельствах. Изучи. Но сначала — твоя легенда.

Настя взяла папку, но не открыла, показывая, что слушает. Папка была на удивление легкой — слишком легкой для дела такой важности. Это означало, что информации действительно мало, и большая часть того, с чем ей предстоит столкнуться, находится в неизвестности.

— Ты — Анастасия Вэл, целительница из южных провинций. Талантливая, но без большого опыта работы с боевой травмой. Твоя семья была обвинена в связях с контрабандистами магических артефактов, твой дом сгорел, а сама ты чудом избежала ареста. Ты в розыске. Тебе нужна защита и работа. — Игнис криво усмехнулся, и в этой усмешке было что-то горькое.

— История, увы, недалеко от правды для сотен таких, как ты, бежавших на север в поисках крыши над головой. «Берсерк» часто берет под свое крыло таких изгоев, если они могут быть полезны. Твоя полезность — твой дар. Целитель, который может и раны залечить, и вытащить из бойца его страхи — ценный кадр для любой гильдии.

— Значит, моя телепатия будет для них приманкой?

— Приманкой и твоим главным оружием. Будь осторожна. Я не знаю, насколько они параноидальны. Возможно, они проверят твою легенду так глубоко, что тебе самой придется в нее поверить. Возможно, они найдут способ экранировать твой дар. И тогда тебе придется выживать, полагаясь только на свой ум и на этот камень.

Он достал из ящика стола небольшой кожаный мешочек и высыпал на стол один-единственный камень. Это был оникс, но не обычный. В его глубине, казалось, дышал слабый, пульсирующий туман, и этот туман был живым. Настя почувствовала исходящий от него холод, ментальный холод, который подавлял ее собственные способности, словно звук, заглушаемый ватой. Это было неприятно, как если бы она вдруг оказалась в комнате, где кто-то выкачал половину воздуха, и теперь каждый вдох давался с трудом.

— Это «Пелена», — сказал Игнис. — Наш лучший экранирующий артефакт. Он скроет твое истинное ядро силы. «Берсерки» не должны узнать, что ты телепат с таким высоким уровнем допуска. Им нужна целительница, которая «иногда слышит эхо боли». Не больше. Пелена будет давить на твой разум, притуплять твой дар. Привыкай к нему. Без него ты слишком заметна.

Настя не сразу протянула руку. Она знала, что такое «Пелена». Это было все равно что добровольно надеть кандалы на свой мозг, лишиться части самой себя. Она помнила, как однажды, во время обучения, ей пришлось пользоваться чем-то подобным. Те несколько часов стали одними из самых мучительных в ее жизни. Тогда казалось, что она ослепла и оглохла одновременно, что мир вокруг сжался до размеров ее собственного тела, а все, что осталось за его пределами, превратилось в серую, безликую пустоту. Сейчас ей предстояло пережить это снова. Но приказ есть приказ. И угроза, о которой говорил Игнис, была серьезной. Если «Берсерк» действительно получила доступ к могуществу, способному менять правила боя, с ними шутки плохи. Она взяла камень. Он был тяжелым и ледяным, и тут же почувствовала, как тупая боль начинает зарождаться в затылке, медленно расползаясь по всему телу.

— Наденешь на шнурке, — продолжил Игнис, словно не замечая ее состояния. — Не снимай его ни на секунду. Даже во сне. Если снимешь, тебя засекут за километр. А теперь иди. У тебя есть день, чтобы подготовиться. Послезавтра ты — Анастасия Вэл, беженка, у которой за спиной ничего, кроме пепла.

Он снова сел, давая понять, что разговор окончен. Настя встала, чувствуя, как камень оттягивает карман плаща. Ей хотелось бросить его, отшвырнуть куда-нибудь подальше, убежать из этого пропитанного жаром кабинета и никогда больше не возвращаться. Но она знала, что не сделает этого. У самой двери ее остановил его голос.

— И еще, Анастасия... Если ты почувствуешь, что игра проиграна, не геройствуй. Твоя жизнь — ценный ресурс. Но и не жди, что мы придем за тобой. В операции в «Врангре» нет

места спасательным экспедициям. Ты — призрак. А призраки, если их ловят, исчезают навсегда.

Настя не обернулась. Она просто кивнула и вышла, закрыв за собой тяжелую дверь. Запах гари остался с ней, и она знала, что еще долго будет чувствовать его на своих губах. Как предвестие. Как вкус того, что ждет ее впереди.

День пролетел, как в бреду. Настя изучала папку, но мысли упорно возвращались к ощущению пульсирующего холода в кармане. Оникс «Пелены» лежал на столе, обернутый в шелк. Она уже дважды надевала его, чтобы привыкнуть, и оба раза снимала, не в силах выдержать давящую тишину в собственной голове. Это было страшнее, чем любая физическая боль. Она, привыкшая к постоянному гулу чужих мыслей, к эмоциональному фону города, который ощущался ею, как шум прибоя, вдруг оказалась в вакууме. Только ее собственные, усиленные этим вакуумом, страхи и сомнения. Это было невыносимо. Но другого пути не было.

Она перебирала документы из папки, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, хоть что-то, что могло бы объяснить происходящее. Список умерших: члены городского совета, торговцы, маги из мелких гильдий, один отставной генерал. Все они умерли в разное время, в разных местах, от разных причин — сердечный приступ, несчастный случай, внезапная болезнь. Но было в этих смертях что-то общее, что-то, что ускользало от понимания. Настя перечитывала донесения снова и снова, пока перед глазами не начинали плясать строчки, но так и не могла ухватить эту ускользающую нить. Возможно, она была невидима для обычного анализа. Возможно, только там, внутри, в крепости «Врангр», ей удастся увидеть картину целиком.

Она собрала дорожную сумку. Ничего лишнего: смена простой, грубой одежды, пара флаконов с дешевыми целебными мазями, которые могла сделать и провинциальная знахарка, пара засаленных книг по анатомии, нож с простой костяной рукоятью. Каждая вещь была выбрана с мыслью о том, как она будет выглядеть в глазах берсерков. Все должно было казаться естественным, не вызывающим подозрений. В последний момент положила туда же свой родовой перстень, но не надела — спрятала в складках старого шарфа. Это был единственный кусочек ее прошлой жизни. Жизни Анастасии, а не изобретенной беглянки Анастасии Вэл. Перстень был тяжелым, с выгравированным на внутренней стороне именем ее бабушки — единственное, что у нее осталось от семьи. Она не могла взять его с собой, но и оставить здесь не могла. Спрятав перстень, она почувствовала себя предательницей — и по отношению к своей семье, и по отношению к той, кем она становилась.

В ночь перед отъездом она вышла на балкон своей маленькой квартиры. Город лежал перед ней, окутанный туманом. Огни далеких улиц, приглушенный гул, едва уловимые всполохи магической энергии за крышами домов. Всё это оставалось здесь. Она не знала, вернется ли.

Её учили не привязываться. Целитель, телепат — человек, ходящий по чужим сознаниям, как по комнатам дома. Привязанность — это уязвимость. Каждый, кто слишком сильно привязывается к чему-то или кому-то, рано или поздно становится заложником этой привязанности. Настя усвоила этот урок еще в детстве, когда ее учили отделять свое «я» от чужих эмоций, ставить барьеры между собственным разумом и тем шумом, который наполняет мир. Но была одна вещь, за которую она все еще держалась. Воспоминание. И то, что оно означало.

Её родители погибли во время эпидемии, когда ей было двенадцать. Она сама была больна и лежала в горячке, видя их смерть не глазами, а чувством, как угасают их жизненные огни в море таких же умирающих. Она выжила, но с тех пор её дар ощущал смерть острее, чем любой другой человек. Смерть имела привкус пепла. Тот же вкус, что и в кабинете лорда Игниса. Тот же, что остался на губах теперь. И когда Игнис говорил о таинственной силе «Берсерка», о внезапных смертях и возвращающихся из боя без потерь бойцах, она почувствовала то же самое. Этот холодный, горький след. След, который вел к источнику. И она должна была его найти.

Утром её не провожали. Просто старый фургон, запряженный парой ленивых лошадей, остановился у западных ворот. Кучер, угрюмый молчаливый человек из людей Игниса, помог ей забраться внутрь. Она надела простой серый платок и поношенный дорожный плащ. В мешке, на дне, вместе с ониксом «Пелены», лежал маленький стеклянный пузырек с ядом медленного действия. На случай, если всё пойдёт не так. На случай, если правда окажется страшнее, чем она могла себе представить, и попадет в руки того, кто сможет использовать её против них.

Фургон тронулся. Гремя колесами по булыжной мостовой, он покинул город, увозя её на север. Дорога была долгой. Три дня пути через унылые, заброшенные деревни, где крестьяне смотрели на них с пустым безразличием, через пограничные посты, где её поддельные документы, казалось, прожигали её насквозь, хотя стражи лишь лениво махали руками. Каждый километр, пройденный в северном направлении, приближал ее к месту, которого она боялась больше всего на свете. Но вместе со страхом росло и странное, почти болезненное любопытство. Она должна была узнать, что скрывается за стенами «Врангра». Должна была понять, что за сила делает берсерков неуязвимыми. И, если получится, найти способ остановить эту силу.

Всё это время она не снимала «Пелену». И с каждым часом холод, исходящий от камня, словно прорастал в её кости. Она стала тише, сдержаннее. Даже ее собственное тело ощущалось чужим, неповоротливым. Ее дар, запертый глубоко внутри, словно зверь в клетке, скрёбся и выл, пытаясь вырваться на свободу. Она слышала этот вой постоянно, даже во сне, и он смешивался с ее собственными мыслями, создавая причудливые, пугающие образы. Но внешне она оставалась спокойной. Утомленная, смирившаяся женщина, ищущая убежища. Беглая цельница, у которой за спиной ничего, кроме пепла.

На третий день, когда солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в кроваво-красные и оранжевые тона, впереди показался «Врангр». Настя прикинула к щели в брезенте. Крепость была громадной. Она вырастала из скалы, словно была ее естественным продолжением, — мрачная, грубо обтесанная громада, чьи башни, казалось, стремились пронзить само небо. Никаких изящных шпилей, никаких украшений. Только камень, серый и черный, как запекшаяся кровь. Вокруг крепости, насколько хватало глаз, простиралась выжженная, каменистая пустошь. Здесь не росло ничего. Даже воздух был другим: сухим, колючим, со странным металлическим привкусом. Вкус пепла, к которому она уже начала привыкать, здесь был сильнее всего.

Фургон остановился перед массивными воротами, обитыми потемневшими железными полосами. Настя увидела часовых. Они стояли неподвижно, словно изваяния. На них были тяжелые доспехи, а лица скрывали глухие шлемы с прорезями для глаз. Но то, что поразило ее больше всего, было не их снаряжение. Это была та пустота, которую она ощутила, когда фургон пересек невидимую границу. Даже сквозь «Пелену», сквозь глухую стену, отгораживающую

её от мира, она почувствовала это. Полное, абсолютное отсутствие. Ни боли, ни злости, ни страха. Ничего. Словно часовые были не людьми, а пустыми сосудами, в которые вдохнули лишь видимость жизни.

Её сердце сжалось. Это был не просто холод. Это была пустота, которую она не могла объяснить. Пустота, которая ждала её за этими стенами.

Один из часовых шагнул вперед. Его движение было плавным, но неестественно быстрым, как у хищника. Он не стал спрашивать документов. Просто подошел к фургону и отдернул полог. Его взгляд, пустой и тяжелый, остановился на Насте.

— Выходи, — произнес он голосом, лишенным интонаций. — Тебя ждут.

Настя глубоко вздохнула. Пепел на губах. Она коснулась пальцами оникса, спрятанного на груди. И шагнула в темноту, навстречу крепости «Берсерк».

Глава 2. Волк в овечьей шкуре

Ворота за ее спиной закрылись с глухим, металлическим лязгом, который прокатился по каменному двору и замер где-то в глубине крепости, словно зверь, проглотивший добычу и теперь сыто урчащий. Этот звук был окончательным, бесповоротным, как приговор, который не подлежит обжалованию. Настя стояла неподвижно, давая глазам привыкнуть к полумраку, царившему за стенами «Врангра». Она знала, что сейчас начинается самое важное — первые мгновения, когда за ней наблюдают, оценивают, делают выводы. Нельзя показывать ни страха, ни излишней уверенности. Нужно быть просто усталой беглянкой, которая надеется найти убежище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.